

С. Б. Чебаненко

Воры и «малый оградаец» Григория Чудотворца: земельная «собственность» в структуре русской киновии и особенности хозяйственной деятельности Киево-Печерского монастыря в последней трети XI века

УДК 94(470)+271.2-788-055.1(477-25)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_268

Аннотация: В Киево-Печерском патерике сообщается о небольшом земельном участке, который возделывал монах Григорий Чудотворец. Это первое известное упоминание о монастырском саде в Древней Руси. Столкновения Григория с ворами, которые посягали на его урожай, раскрывают подробности, касающиеся хозяйственной деятельности Печерского монастыря в целом. Участком занимался сам монах, он же решал вопросы, связанные с посягательствами на него извне, поэтому это «его» огород и сад. Но участок полностью не обособлялся из структуры монастырского хозяйства: там, вероятно, трудился не один монах Григорий, урожай шел на общий стол, а пойманные в «оградаец» воры работали на весь монастырь. «Малый оградаец» был явочным порядком заведен самим монахом и стал восприниматься как его личный участок. Это было нарушением Студийского устава, который был введен Феодосием Печерским и действие которого стало ослабевать после его смерти. Владение отдельным участком было своеобразной привилегией, связанной высоким положением инока в монастырской иерархии. До монаха Григория выращивание плодовых деревьев не было характерно для монастырского хозяйства. Сад отличался и тем, что в нем, вероятно, выращивалась яблоня домашняя (*Malus domestica Borkh*), редкое для Руси того времени растение (в отличие от дикорастущих видов), завезенное из Греции, чьи плоды были особенно привлекательными и внешне, и с гастрономической точки зрения.

Ключевые слова: Древняя Русь, Киево-Печерский монастырь, Киево-Печерский патерик, инок Григорий Чудотворец, общежитийный монастырь, хозяйство, сад, монастырский сад, владение, собственность, яблоня, *Malus domestica Borkh*.

Об авторе: **Сергей Борисович Чебаненко**

Кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7695-5482>

Для цитирования: Чебаненко С. Б. Воры и «малый оградаец» Григория Чудотворца: земельная «собственность» в структуре русской киновии и особенности хозяйственной деятельности Киево-Печерского монастыря в последней трети XI века // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 268–282.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2022

Sergey B. Chebanenko

**Thieves and the “Fence” of Gregory the Wonderworker:
Land “Property” in the Structure of the Russian Monastic
Commune and the Peculiarities of the Economic Activity
of the Kiev Caves Monastery in the Last Third of the 11th Century**

UDK 94(470)+271.2-788-055.1(477-25)-9

DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_268

Abstract: In the Kiev Caves Patericon, a small plot of land is reported, which was cultivated by St. Gregory the Wonderworker. This is the first known mention of the monastery garden in medieval Rus. St. Gregory’s clashes with thieves who encroached on his harvest reveal details regarding the economic activities of the Kiev Caves Monastery as a whole. The monk himself took care of the plot, he also resolved issues related to encroachments on him from the outside, therefore this is “his” vegetable garden. But the site was not completely isolated from the structure of the monastery economy: more than one St. Gregory probably worked there, the harvest went to the common table, and the thieves caught in the “fence” worked for the entire monastery. The “small fence” was started by the monk himself and began to be perceived as his personal plot. This was a violation of the Studite Typicon, which was introduced by Theodosius of the Caves and whose effect began to weaken after his death. The possession of a separate plot was a kind of privilege associated with the high position of a monk in the monastic hierarchy. Before St. Gregory, the cultivation of fruit trees was not typical for the monastic economy. The garden was also distinguished by the fact that it probably grew a domestic apple tree (*Malus domestica* Borkh), a rare plant for Russia at that time (unlike wild species), imported from Greece, whose fruits were especially attractive both externally and from a gastronomic point of view.

Keywords: Ancient Rus, Kiev Caves Monastery, Kiev Caves Patericon, St. Gregory the Wonderworker, hostel monastery, farm, garden, ownership, property, apple tree, *Malus domestica* Borkh.

About the author: **Sergey Borisovich Chebanenko**

Ph.D. in History, Senior Lecturer, Institute of History at Saint Petersburg State University.

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7695-5482>

For citation: Chebanenko S. B. Thieves and the “Fence” of Gregory the Wonderworker: Land “Property” in the Structure of the Russian Monastic Commune and the Peculiarities of the Economic Activity of the Kiev Caves Monastery in the Last Third of the 11th Century. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 2, pp. 268–282.

Одной из заметных фигур Печерского монастыря второй половины XI в. был монах Григорий Чудотворец (погиб в 1093 г.), пришедший в обитель еще в игуменство прп. Феодосия. Сообщая примечательные случаи из его жизни, Киево-Печерский патерик также указывает: «имеаше же сей блаженный маль оградаць, иде же зелие сеаша и древа плодовита» (Патерик, 1911, 97). Такой тягой к возделыванию растений, достойной отдельного упоминания, не отличались другие монахи¹, хотя им и приходилось участвовать в совместных сельскохозяйственных работах.

Славу чудотворца монах Григорий, получил, кроме прочего, сталкиваясь со злоумышленниками и творя в их отношении чудеса. Для сюжета нашей статьи криминально-правовой аспект этих известий имеет факультативное значение²; вместе с тем эти истории раскрывают важные подробности, касающиеся хозяйственной деятельности монаха: известно о трех его встречах с ворами, и дважды последние зарились на урожай Григория. Эти рассказы позволяют сделать определенные заключения об особенностях владения и распоряжения иноками общежитийных монастырей некоторым имуществом и земельными участками, зарождении монастырского садоводства в Древней Руси и истории культивирования в монастырях некоторых растений.

Первая история о монахе Григории и ворах рассказывает о краже книг у монаха: застигнутые воры были им отпущены, но их задержал «градский властелинъ» и «повеле мучити татии», монах Григорий их освобождает взамен своих книг, и они «вѣдашася на работу братии». В другой раз воры пытались украсть «зелия» и плоды «древ плодовитых» из его «малого оградца», но во время кражи чудесным образом были обездвижены на два дня и, будучи освобождены иноком, в итоге навсегда остались при монастыре. В третьем случае злоумышленники сначала обманом выпросили у монаха Григория ценные книги, якобы на выкуп от смерти своего товарища (чью действительную смерть и предсказал старец), а затем отправились ночью воровать яблоки, которые выращивал монах (в результате чего и погиб их товарищ). Подельники погибшего тоже окончили свой век в Печерском монастыре (Патерик, 1911, 96–98).

По мнению большинства исследователей, хотя в Киево-Печерском патерике широко используются агиографические штампы и заимствования из других патериков и житий, в основе большинства сказаний лежат реальные ситуации. Так, история о мошенниках и краже ими яблок не находит прототипа в переводной агиографии и, скорее всего, имеет местное происхождение (подр. см.: [Чебаненко, 2017]). Таким образом, со значительной степенью вероятности мы можем заключить, что некоторые известия о монахе Григории, в частности, касающиеся его сада и огорода (в том числе и его столкновения с ворами), имеют под собой определенную реальную основу.

Что же это был за «маль оградаць», который «имеаше» монах Григорий? Известно, что в распоряжении Печерского монастыря было значительное количество земельных владений, которые рассматривались как общемонастырские угодья. Уже во времена прп. Феодосия у монастыря были села³, которые, как и участок инока Григория, становились объектами посягательств воров и даже целых шаек «разбойников» (Житие Феодосия Печерского, 1997, 384, 406, 412, 418, 426; Патерик, 1911, 65). Быть может, этот участок имел отношение к одному из монастырских сел⁴ или даже словами «маль оградаць» в Патерике было обозначено небольшое село, которым, как хозяйственной единицей, управлял монах Григорий? Села, которыми владел монастырь, часто были

¹ Позже «оград» заведет инок Николай Святоша, черниговский князь (в миру Святослав Давыдович), принявший в 1106 г. монашество (Патерик, 1911, 83). В. Д. Чёрный ошибочно полагает, ориентируясь на порядок рассказов Патерика, что «оград» Николая Святоши появился ранее сада Григория [Чёрный, 2010, 64].

² Этот вопрос подробно рассматривался нами ранее: [Чебаненко, 2017].

³ «Печерский монастырь становится собственником сел в окрестностях Киева еще в третьей четверти XI в.» [Щапов, 1989, 152].

⁴ Д. И. Абрамович, перечисляя занятия «сельских жителей», имеющих отношение к монастырю, упоминает огороды и фруктовые сады, ссылаясь в том числе на Слово о Григории Чудотворце [Абрамович, 1902, 198].

небольшими и представляли собой огороженные дворы или усадьбы, в которых монахи находились лишь определенное время, а постоянно в таких селах пребывали лишь хозяйственные управители — тиуны и приставники [Пузанов, 2007, 18–19]⁵.

Полагаем все же, что вряд ли это можно отнести к нашему случаю. Прежде всего, Патерик подчеркивает, что участком владел именно инок Григорий, а не монастырь: «имеаше же сей блаженный малъ оградаецъ». Как видно из описания Патерика, «оградаецъ» монаха не имел отношения к селам: он располагался рядом с кельей монаха, неподалеку обычно находится много других иноков, совсем рядом находится церковь, куда мимо участка старца братия ходит на молитву, а в рассказах о чудесах старца с ворами не упоминается ни о селе, ни о какой-либо иной хозяйственной активности, кроме собственно самого «оградца» (Патерик, 1911, 97–98). Последний находится где-то в самом монастыре, а не за его пределами. Кроме того, кельи монахов, кажется, не устраивались в окрестных селах⁶. Итак, это не очень большой земельный участок при келье в монастыре⁷, «келейный» огородик [Харин, 2015, 187], которым занимался сам монах⁸.

Но мог ли Григорий, живя в монастыре, иметь «свой» (или действительно — свой) огород и сад? На каком основании он «имеаше» «малъ оградаецъ», если этому противоречит действие в монастыре общежитийного устава, который был введен прп. Феодосием Печерским и соблюдения которого он строго требовал? Как указывал М. Д. Приселков, в соответствии с правилами общежития владение частным имуществом и при прп. Феодосии, и после него было запрещено, в собственности братьев не могло быть ни книг, ни тем более никакого «малого оградца» [Приселков, 2003, 145–146].

Современные исследователи не столь категоричны на этот счет, допуская (но при этом обычно подчеркивая, что характерно это больше для послефеодосиевского периода), что монахи вполне могли иметь определенное имущество (те же книги), в том числе сохранять за собой то, которым они владели и в мирской жизни [Гайденко, 2015, 66; 2017a, 87; 2017b; Харин, 2015, 186; Васиховская, 2019, 51, 126–128, 166]. Византийская практика передачи всего личного имущества вновь поступавших иноков в пользу монастыря не получила на Руси распространения [Гайденко, 2017a, 87]. Да и в самой Византии в это время в киновиях монахи могли иметь личное имущество [Каждан, 1971, 58–60].

Что касается владения земельным участком, не исключено, что огород-сад и не был собственностью инока Григория в том понимании, как об этом писал М. Д. Приселков (однако отрицая такую возможность) и некоторые другие исследователи (они говорят о «собственном», «своем» огороде, имуществе) [Черный, 2010, 66–65; Васиховская, 2019, 166]⁹. Возможно, это не был частный, «свой» участок в полном смысле слова, хотя именно монах им и занимался.

Действительно, как справедливо отмечал М. Д. Приселков относительно участка инока Григория, правила общежития не предполагают автономного ведения хозяйства монахами¹⁰. Вопрос о том, какой именно вариант (варианты) общежитийного устава был положен прп. Феодосием в основу устава Печерского монастыря, остается

⁵ См. также: [Абрамович, 1902, 193; Щапов, 2002, 21].

⁶ За одним исключением: прп. Феодосий Печерский в одном из сел имел тайную пещеру, куда в пост уходил скрытно молиться (Житие Феодосия Печерского, 1997, 418). Это, однако, случай особый и никак не пример постоянного проживания монаха и ведения им хозяйства в селе.

⁷ В древнерусских монастырях, скорее всего, «кельи были отдельно стоящими строениями» [Харин, 2015, 102–103, 185], см. также: [Романенко, 2002, 274]. Это следует и из рассказа Патерика о монахе Григории.

⁸ Ср. сообщение о Николае Святоше: «принужень бысть кѣлию себѣ имѣти, юже сътвори, яже и доньнѣ зовома естъ „Святошина“, и оград, егоже своима рукама насади» (Патерик, 1911, 83).

⁹ Позиция П. И. Гайденко на этот счет не столь категорична, он пишет о «собственных» огородах и садах иноков с определенными оговорками [Гайденко, 2017b, 8; 2017a, 86, 88].

¹⁰ Современный исследователь В. Д. Черный, напротив, почему-то уверен, что на Руси в это время были только особножительские монастыри, почему «оградаецъ» инока Григория и принадлежал лично ему [Черный, 2010, 66–65].

предметом дискуссии (см.: [Поппэ, 2011, 25–28, 33; Артамонов, 2013, 368, 385; Васиховская, 2019, 47–48, 111–115 и след.]). Мнения исследователей расходятся в том, какой именно устав был введен прп. Феодосием: прп. Феодора Студита¹¹ или патр. Алексия¹². Житие прп. Феодосия Печерского и Киево-Печерский патерик не позволяют определить, до какой степени полно был введен Студийский устав в Печерском монастыре [Бълхова, 2000, 2002, 35–36]. Кроме того, исследователи допускают, что устав прп. Феодосия содержал определенные отступления о принятого образца (подр. см.: [Абрамович, 1902, 190–193; Васиховская 2019, 49–50, 93]).

В любом случае, устав, принятый им, требует ведения общего хозяйства, общности и равенства труда всех монахов, что видно из описания монастырской жизни в Житии прп. Феодосия и других источниках. Отдельное ведение хозяйства, собственные земельные участки иноков не предусмотрены. Типикон патр. Алексия Студита, чей русский список XII в. дошел до нас полностью и считается многими исследователями уставом Печерского монастыря, исходит из тех же принципов, пусть и не содержит специальной оговорки о запрете самодеятельного заведения монахами личных огородов и садов¹³.

Между тем интересующий нас вопрос позднее специально рассматривается в некоторых русских общежитийных уставах. В Пространной редакции устава прп. Иосифа Волоцкого — «Духовной грамоте» (начало XVI в.), такой запрет содержится¹⁴. В разных списках Пространной редакции¹⁵ (и в разных частях самих списков) перечисление растений, которые монахам нельзя выращивать у своих келий, всегда начинается с яблонь, а перечень остальных «овощей» может варьироваться¹⁶. Надо полагать, это было довольно распространенным, но не одобряемым увлечением иноков.

Принимая мнение, что сельскохозяйственные занятия монаха Григория противоречили представлениям прп. Феодосия о монастырской жизни, нужно сказать, что после смерти последнего, учредителя и яркого поборника общежитийных правил, эти порядки смягчились. По словам Е. Е. Голубинского, довольно скоро после прп. Феодосия «истинное общежитие исчезло в самом Печерском монастыре» [Голубинский, 1904, 628]. Большинство исследователей придерживается такого мнения,

¹¹ Введен в начале IX в. в Константинопольском Студийском монастыре прп. Феодором (†824). Прп. Феодор не оставил свой устав в письменном виде. Устав был записан после его смерти.

¹² Написан в начале XI в. патр. Алексием (1025–1043) для созданного им монастыря во имя Успения Богородицы. Русский список устава XII в. дошел до нас полностью (Типикон патриарха Алексия, 2001).

¹³ Раздел «Монашеские заповеди» (Типикон патриарха Алексия, 2001, 380–396).

¹⁴ «Относительно некоторых положений (об общей трапезе, о послушании игумену, о запрете инокам собираться вместе, об иноческой одежде, о выходе за монастырскую ограду, о запрете женщинам входить в монастырь, об одинаковых условиях жизни для всей братии) «Духовная грамота» <...> восходит генетически, но не текстуально, а в самых общих чертах, к ктиторской части известного на Руси с XI века Студийско-Алексиевского устава. Содержательно ее можно также связывать с поучениями к братии преподобного Феодосия Печерского, в которых имеются пассажи дисциплинарно-уставного свойства» [Кириллин, 2009, 184–185].

¹⁵ В Краткой редакции этот запрет не представлен (Монастырский устав, 1959; Краткая редакция Устава, 2001). Краткая редакция создана в конце XV — начале XVI вв., Пространная редакция — в начале XVI в., автором обеих редакций является прп. Иосиф Волоцкий [Лурье, 1988, 435, 437]. Этот запрет и другие правила, в окружении которых он находится и которые появляются только в Пространной редакции, по своему содержанию не имеют отношения к разделу, в составе которого находятся. Это глава «яко не подобает в монастыри, ниже на дворцехъ манастырскихъ жити орочатомъ юнымъ».

¹⁶ Напр.: «а на дворцехъ у келей яблоней не садити, ни иного овощу»; «или на дворце у келей кто почнетъ яблони садити, или вишни, или иной которой овощ, они же запретьят и не попустнтъ сему быти» (Духовная грамота, 1868, стб. 569, 604); «а на дворцех у келей яблоней не садите, ни огурцов, ни дыней, ни иного овощу»; «или на дворце у келей кто почнет яблони садити, или вишни, или иной которой овощ, они же запретьят и не попустятъ сему быти» (Иосифа игумена Духовная Грамота, 2001, 117, 145).

различаются лишь их оценки динамики этого процесса, а также перечисления нарушений норм Студийского устава (см.: [Абрамович, 1902, 190–193; Голубинский, 1904, 628–632; Смолич, 1997, 32–37; Романов, 2002, 160–162; Шапов, 2002, 19; Бълхова, 2002, 35–36; Федотов, 2000, 43; Гайдено, 2015; Гайдено, 2016; Гайдено, 2017а; Гайдено, 2017b; Васиховская, 2019, 128, 131–140]).

На статус земельного участка, которым заведовал инок Григорий Чудотворец, может указать характер взаимоотношений старца с «татами» и дальнейшая их участь. Необходимо определить, перед кем именно они несут ответственность, отработывая свои провинности, — перед самим монахом Григорием или перед монастырем. В первом случае можно говорить, что, посягая на вещи, «зелие» и плоды «древ», они наносят ущерб имуществу старца, во втором — монастырской собственности¹⁷.

Некоторые ученые этих незадачливых воров (во всех указанных случаях или в некоторых из них) относят к «прощенникам»¹⁸, понимая под ними лиц, которые за совершенные преступления не несут положенного наказания, но взамен оказываются в зависимости от тех, на кого были направлены их преступления, «отработывая» свои провинности [Бахрушин, 1937, 66; Васиховская, 2019, 166–167]. Как пишет Н. С. Васиховская, в рассказах о монахе Григории все «пойманные воры становились „прощенниками“, когда монастырь их „прощал“ за преступления и оставлял работать в своем хозяйстве» [Васиховская, 2019, 167].

Отметим, что Патерик так воров не называет. Относительно подобного понимания «прощенников» Б. Д. Греков отметил, что в случае с иноком Григорием воры были скорее наказаны, нежели полностью прощены, почему определение «прощенники» вообще вряд ли может быть применимо к этим вора, ставшим работать на монастырь и превратившимся, по его мнению, в крепостных [Греков, 1953, 256–257].

Если говорить шире, то сама категория «прощенники» («пущенники») остается не вполне разгаданной: в источниках, где упоминается это слово, его содержание не раскрывается, а понимание их как «прощенных» или «отпущенных» преступников — не более, чем искусственная (но в принципе возможная) конструкция. И. Я. Фроянов полагал, что приведенное выше определение — это догадки, а примеры использования терминов в источниках не дают оснований для таких уверенных заявлений, а самих «пущенников» можно определить как полусвободное население, близкое к освобожденным из рабства категориям [Фроянов, 2001, 471–472].

Как бы то ни было — можно ли назвать этих воров «прощенниками», или нет, — но они действительно после попытки хищения, будучи уличенными, не несут положенного наказания, а остаются работать при монастыре.

Последующая судьба воров демонстрирует определенную двойственность их положения по отношению к иноку Григорию и к монастырю. Прежде всего, их участь во всех случаях в конечном счете решается именно монахом Григорием¹⁹, никакие иные представители монастыря в этом плане не упоминаются. Похитителей книг он сначала отпускает, а затем выкупает у «градского властелина», начавшего было их

¹⁷ Патерик одним и тем же словом описывает характер владения книгами и «малым оградцем»: «Не бе бо иного ничто же *имае*, разве *книгъ*» и «*Имаише* же сей блаженный малъ оградецъ» (Патерик, 1911, 97–98). Но слово «имѣти» (иметь) здесь могло употребляться в самом общем смысле, без цели уточнения особенностей владения. Этот глагол содержит широкий спектр значений, связанных с владением, обладанием, распоряжением чем-либо, пользованием. Примеры его использования в древнерусский период см.: [Срезневский, 1893, т. 1, стб. 1096; СлРЯ XI–XVII вв., 1979, вып. 6, 229; СлДрЯ XI–XIV вв., 1991, т. 4, 150–151; Старославянский словарь, 1994, 259–260].

¹⁸ Упоминаются среди церковных людей в большинстве списков церковного Устава Владимира (Древнерусские княжеские уставы, 1976, 19, 24, 44, 47, 58, 63, 67, 72, 74, 79) и соответствуют «пущенникам» церковного Устава Всеволода (Древнерусские княжеские уставы, 1976, 156), а также указаны в уставной и жалованной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславовича, касающейся учреждения епископии в Смоленске (Древнерусские княжеские уставы, 1976, 141).

¹⁹ Активную роль монаха Григория в судьбе воров особенно подчеркивал Г. П. Федотов [Федотов, 2000, 45].

правовое преследование; пойманных разорителей «малого оградца» старец отпускает на условиях дальнейшей работы в монастыре; третьих проходимцев, выманивавших книги и воровавших яблоки, он «осуди... в работу въ Печерскомъ монастырѣ».

Но выступал ли монах Григорий здесь от своего имени, как пострадавший владелец, или, оставляя воров при монастыре, он выступал от имени корпорации, тем более что сам он был далеко не рядовым иноком и мог обладать определенными полномочиями для такого представительства перед внешним миром²⁰?

Первое, полагаем, верно для случая хищения книг, которые могут рассматриваться как его личное имущество. Справедлива оценка ситуации В. О. Ключевским: в том, что «градский властелинъ» «татие же отпусти» нужно видеть «только то, что Григорий *отказался от частного взыскания за свою „обиду“* (курсив наш. — С. Ч.), которое могло задержать воров в заключении, а судья, получив свою „продажу“, пеню за покушение на татьбу, не имел причин их более задерживать» [Ключевский, 1987, 244]. После этого воры «въдашася на работу братии» (а не трудились на одного Григория!). Это может означать либо то, что они отработывали выплаченную старцем за них «продажу» (штраф), либо, что вероятнее, они добровольно пошли на этот шаг от безысходности, которая изначально и толкнула их на кражу²¹. В последнем случае дальнейшая работа на монастырь не является прямым юридическим следствием преступления.

В отношении двух эпизодов о краже урожая картина довольно неоднозначна. Воры, которые пытались украсть «зелие» и «плоды» из «малого оградца», остались жить в монастыре, «оградъ предръжаще». Быть может, речь идет именно об огороде Чудотворца²². В любом случае, урожай шел на общий стол: работали они на благо всей «святой братии», и результаты их труда шли «на потребу» всей братии (Патерик, 1911, 97). Если полагать, что трудились они именно на огороде монаха Григория, то это уточняет представления о характере распоряжения и владения инока землей: как минимум, урожай с участка старца предназначался не для личных целей, а для всей братии, как максимум — считать участок «своим» монах мог с большой натяжкой.

Что же до жуликов из рассказа о мошенниках-похитителях яблок, то старец «осуди ихъ в работу Печерскому монастырю» с тем, чтобы они могли «и инехъ напитати отъ своихъ трудовъ» (Патерик, 1911, 98), т.е. чтобы, буквально, кормили своим трудом монахов — надо думать, также занимаясь земледелием²³ (причем

²⁰ К этому времени монах Григорий приобрел репутацию чудотворца, также известно, что он в составе авторитетной коллегии участвовал в разбирательстве дела одного из печерских иноков (Патерик, 1911, 91–92), наконец, ему, как выдающейся фигуре, в Патерике посвящено отдельное «Слово».

²¹ Во-первых, после того как их в первый раз поймали, «татие» были отпущены иноком Григорием без каких-либо условий, никакой «отработки» и не предполагалось. Во-вторых, очевидно, что они пошли на этот шаг от крайней нужды: на фоне чудес с обездвиживанием воров упоминается о таком сильном голоде, охватившем их после неподвижности, что они не могли и ходить, а монаху Григорию пришлось дать им еды. Надо полагать, голод и сподвиг их на кражу, это проясняет и несходительность к их проступку, и заботу о них со стороны монаха. К тому же они и не совсем асоциальны — у них есть «дома своа» (Патерик, 1911, 97). Можно предположить, что попытка хищения прищлась на то время года, когда из огорода и сада Чудотворца ничего добыть было невозможно. Это не единственный пример, когда монастырские продукты крали от голода: так, однажды прп. Феодосий Печерский отпускает «разбойников», пойманных в монастырском селе, предварительно их накормив (Житие Феодосия Печерского, 1997, 406).

²² Если так, то не столь и маленьким был огород инока Григория, что для его обработки понадобилось несколько человек. Однако в Арсеньевской редакции говорится, что бывшие тати остались в монастыре «ограды предрѣжаще» (Патерик, 1911, 198). Если принять этот вариант, то исправившиеся воры работали не на огороде инока Григория (или не только там), но и на других монастырских участках.

²³ Как заметила М. Е. Башлыкова, упоминания Патерика о последующей работе воров на братию «очевидно зависят от описания жизни Адама после преступления Божией заповеди, жизни, на которую в лице первого человека было осуждено все человечество: „В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от неяже взят еси...“» (Быт 3:19). Этот

«с чады своими»). Итак, результаты их труда доставались всей братии, работали они в интересах всего монастыря, а не только инока Григория, где именно в монастыре они работали — неизвестно.

Таким образом, из рассмотрения встреч Григория с ворами и их последствий, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, земельным участком занимался и заведовал сам монах, он же единолично решал вопросы, связанные с посягательствами на него извне (он в основном контактировал с попавшимися ворами и только он решал их дальнейшую судьбу), и в этом смысле можно говорить, что это «его» огород и сад.

С другой же стороны, «малый оградац» и «древа плодовита» полностью не обособлялись из структуры монастырского хозяйства: там, вероятно, трудился не один Григорий (как можно предположить из окончания второй истории о ворах), а урожай шел на общий монастырский стол²⁴. Как пишет на этот счет П. И. Гайденко, «иноки могли пользоваться собственными огородами, которые, как видится, служили и частным, и общим (братским) интересам» [Гайденко, 2017а, 87]²⁵.

Включенность участка в систему монастырского хозяйства подтверждает и то, что воров, покусившихся на «зелие» и «древа плодовита», выращиваемые Григорием, ожидала жизнь и работа в «Печерскомъ монастыре», а не только в «малом оградаце» инока. Также нужно отметить, что о продаже Чудотворцем урожая за пределы монастыря и получении от этого каких-то частных доходов, что практиковали некоторые другие монахи за счет своего «рукоделия», ничего не говорится.

Учитывая, что нам ничего не известно о покупке, аренде и других формальных основаниях приобретения участка монахом²⁶ (как и о других подобных случаях), но известно о постепенном, но заметном отходе от традиций общежития после Феодосия Печерского, мы можем заключить, что «малый оградац» и «древа плодовита», по-видимому, были явочным порядком заведены самим монахом, без какого-либо юридического оформления. И с течением времени эта земля стала восприниматься как личный участок Григория, чему способствовал и высокий статус старца в обители²⁷.

текст в виде скрытой цитаты присутствует в рассказе о товарищах удавившегося на яблоне вора. Исследовательница приводит это наблюдение на материале издания церковнославянского текста Патерика 1661 г. и польскоязычной его редакции печерского монаха Сильвестра (Косова) первой половины XVII в. В издании 1661 г.: «осуди их в работу Печерскому монастырю, да отголе труждающесе от поту лица своего, снесят хлеб свой, и довольни будут напитати и прочиих от трудов своих: и тако тыи скончаша живот свой с чады своими, работающе в Печерском монастыре» [Башлыкова, 2019, 154–155]. В более ранней Касьяновской редакции Патерика этот момент выражен не столь заметно: «осуди ихъ в работу Печерскому монастырю, да к тому тружающесе, свой хлебъ ядать и довольни будутъ и инехъ напитати отъ своихъ трудовъ. И тако ти скончаша животъ свой, и с чады своими работающе в Печерском монастыре» (курсив наш. — С. Ч.) (Патерик, 1911, 98).

²⁴ «Помимо продуктовых пожертвований не столь крупным, но всё же ценным источником продуктовых запасов монастырей были собственные огороды и сады иноков, о которых упоминает Печерский патерик. Их доля в обеспечении благосостояния монастыря не известна, но, кажется, она была невелика» [Гайденко, 2017а, 86].

²⁵ В другой работе, говоря о проблеме монашеского имущества, исследователь отмечает, что вопрос о собственности древнерусского периода как таковой остается не до конца разработанным [Гайденко, 2017b, 13]. См. также: [Васиховская, 2019, 121].

²⁶ Византийская практика монастырской жизни XI в. свидетельствует о возможности временного или прижизненного владения монахом по договору земельным участком, выделенным ему монастырем, который впоследствии возвращался в общемонастырское владение (Actes de l'Аthos, 1906, 4; Акты, 1873, 13, 14). Один из примеров очень напоминает обсуждаемый здесь эпизод: в монастыре Катцари «дали старцу монаху Петру местечко, и он сделал на нем виноградничек, малый садик» (Акты, 1873, 13, 14). Этот «кочок земли» [Каждан, 1971, 59] очень напоминает «малый оградац» инока Григория. Однако вопрос о возможном влиянии этих византийских порядков на порядки русских монастырей требует специального рассмотрения.

²⁷ О появлении у некоторых печерских монахов определенных элементов быта, отличающих их от общей массы иноков, см.: [Гайденко, 2017b].

Единственный схожий пример — «оград» князя-инока Николая Святоши, принявшего монашество в 1106 г. После нескольких лет добросовестного послушничества он «принуженъ бысть» волей игумена и братии завести отдельную келью, при которой «своима рукама» заводит и «оград» (Патерик, 1911, 83). Это также была не покупка и не аренда. Как и в случае с «малым оградцем» монаха Григория, можно утверждать, что участок инока Николая Святоши рассматривался как часть монастырского хозяйства. Так, говоря о монашеском подвиге последнего, Патерик отмечает: «Не вкуси же инога ничтоже, токмо от монастырьския яди питаешся» (Патерик, 1911, 83). Надо полагать, урожай из «ограда» при келье также рассматривался как часть общих монастырских продуктов.

Вообще же, можно заключить, что владение самостоятельно возделываемым участком было своеобразной привилегией, связанной с высоким положением насельника в монастырской иерархии — изначальным или приобретенным. Монах Григорий со временем приобретает особый авторитет в монастыре, становится известен как чудотворец, другой упомянутый обладатель «своего» огорода, инок Николай Святоша — тоже далеко не рядовой послушник. Отринув мир, он, конечно, стал лишь одним из иноков, но его экс-княжеский статус никогда не забывался, что хорошо видно из рассказа о нем Патерика. Как указывалось выше, в дальнейшем в киновиях самостоятельное огородничество и разведение плодовых деревьев монахами у своих келий иногда прямо запрещается («Духовная грамота» прп. Иосифа Волоцкого), и именно потому, что жизнь и быт иноков должны быть одинаковы [Романенко, 2002, 275–276]²⁸. К тому же это могло провоцировать и несанкционированный прием пищи вне трапезной или без благословения настоятеля монастыря, что запрещалось общежитийными уставами²⁹.

Как отмечалось выше, скорее всего, «собственный» участок инок Григорий Чудотворец заводит после смерти прп. Феодосия Печерского, когда общежитийные строгости начинают смягчаться³⁰, и когда, по-видимому, инок Григорий приобретает и славу чудотворца, и большой авторитет среди братии³¹. Во времена игуменства Никона (1078–1088) [Ольшевская, Травников, 1999, 392, 411] он уже известен как «Чудотворец» (Патерик, 1911, 90–92), а в рассказах Патерика о встречах с ворами он выставляется уже как признанный в этом отношении «специалист». По крайней мере, последняя история о жуликах-похитителях яблок, чей товарищ погиб, отнесена Патериком ко времени после смерти прп. Феодосия (Патерик, 1911, 98). Можно примерно установить время, когда происходили кражи яблок из сада монаха, отталкиваясь от особенностей роста и развития яблонь. Если монах Григорий заводит сад вскоре после смерти прп. Феодосия (1074), то деревья достаточно выросли и начали плодоносить к середине 80-х гг. XI в.: 10–12-летние растения достигают высоты 3–4 м (один из воров погиб,

²⁸ В «Духовной грамоте» приводятся слова Симеона Нового Богослова, где яблоки упоминаются даже в негативном контексте, как пример излишеств. В Краткой редакции устава: «Мы же, страстнии и окааннии, великая и преславнаа оставльше и в монастырь пришедше, любим ово ризы устыкляны, ово же одежда украшены, и ремениа, и ножевы, и калигия, и чехлы, и снеди сладкыа, и питаа, и яблота, и красныа плоды (курсив наш. — С. Ч.), их же любовию отпадаем всяческиа царя Христа и врази тому бываем» (Монастырский устав, 1959, 307). Аналогичный текст в другом списке Краткой редакции: (Краткая редакция Устава, 2001, 200). То же находим и в Пространной редакции (Духовная грамота, 1868, стб. 521–522; Иосифа игумена Духовная Грамота, 2001, 77), которая представлена в том числе прижизненным списком сочинений прп. Иосифа Волоцкого, содержащим дату вклада рукописи — 1514 г. [Зимин, Лурье, 1959, 290].

²⁹ Так, этот мотив присутствует в Житии Саввы Освященного, наиболее читаемого и распространенного переводного жития в XI–XV вв. [Творогов, 2008, 124]: будучи юным монахом, он трудился в саду, где увидел яблоко, которое пожелал съесть в неурочное время, но преодолел соблазн, вспомнив о грехе Адама, и растоптал плод (Житие Саввы Освященного, 1901, стб. 450).

³⁰ Б. А. Романов писал о «фруктовом садике» монаха Григория как о примере картины «пофеодосиевого времени» [Романов, 2002, 160, 162].

³¹ Аргумент, возможно, не самый сильный, но в Житии прп. Феодосия Печерского о нем не упоминается, он еще не выделялся из массы иноков.

сорвавшись с яблони, — высота дерева должна была быть достаточной), современные сорта яблони плодоносят через 5–7 лет после посадки саженца, дикая яблоня — примерно через 10 лет [Лангенфельд, 1991, 66]. А к середине 80-х гг. инок стал известен как «Чудотворец».

Н. С. Васиховская пишет о монахе Григории: «Живя в монастыре, он сохранил при себе ценную библиотеку и привычку к собственному огороду и саду» [Васиховская, 2019, 166], подразумевая, как можно понять, что огород он заводит сразу по приходе в обитель. Полагаем, что это не совсем так: привычку к огородничеству и садоводству он сохранил (если таковая имелась до того), но реализовать ее смог не сразу по приходе в монастырь.

Говоря об «оградце» Григория, необходимо отметить, что это первое известное упоминание о монастырском саде в Древней Руси³². До того выращивание плодовых деревьев не было характерно для монастырского хозяйства. В Житии прп. Феодосия Печерского, где говорится о ранних годах существования монастыря, сообщается, что ради пропитания монахи «въ ограде копахоуть зелииинааго ради растения» (Житие Феодосия Печерского, 1997, 376)³³. О выращивании плодовых деревьев и разведении садов ничего не сообщается. Сад инока Григория был не вполне обычным явлением не только для структуры монастырского хозяйства как такового, но, вероятно, и с точки зрения собственно ботанической — а именно с позиции того, что именно там культивировал монах.

Разведение садов на Руси XI в. (в Среднем Поднепровье в том числе), судя по дошедшим до нас сведениям, было не очень распространено. Как свидетельствуют археологические и палеоботанические данные, в пищу, прежде всего, шли зерновые, бобовые, овощи, а также дикоросы [Пашкевич, 1991, 2010; Безусько и др., 2011, 236–318]. Изыскания на территории киевских монастырей домонгольского времени дают такую же картину: лидируют зерновые, гораздо реже встречаются бобовые, овощи [Пашкевич, 2014, 132–139]. Однако в Киеве в слоях XI–XIII вв. обнаружены также семена малины, бузины, косточки вишни, сливы, терна, винограда, они являются «непосредственными свидетельствами употребления в пищу этих растений и подтверждением существования садов и виноградников на территории и в окрестностях города» [Пашкевич, 2010, 480]. Палеоботанические исследования слоев XI–XVIII вв. на территории монастырей Киева обнаружили следы культурных фруктовых и ягодных растений, но это весьма малочисленные находки, и в основном (кроме бузины) они выходят за пределы древнерусского периода [Пашкевич, 2014, 136].

Примерно с XI в., согласно специальным исследованиям, по-видимому, получает распространение на Руси яблоня домашняя³⁴. До того в Среднем Поднепровье произрастал только дикорастущий вид — яблоня лесная³⁵ [Помология, 2005, 48; Лангенфельд, 1991, 116; Пономаренко, 1992, 13], и, возможно, её разновидность — яблоня ранняя³⁶ [Лангенфельд, 1991, 117; Помология, 2005, 49; Савин, Чибилёв и др., 2017, 63]. Плоды дикорастущих видов мелкие и горькие, почти несъедобны, в то время как плоды яблони домашней крупные, с большой массой, сладкие, кисло-сладкие.

³² В специальном исследовании В. Д. Черного, посвященном русским средневековым садам, утверждается, что прп. Антоний Печерский, основатель монастыря, возвратившись в 1051 г. из Греции в Киев, разбил «яблонный сад» возле пещеры, где он обосновался, вокруг которой и образовался Киево-Печерский монастырь [Черный, 2010, 33, 64, 65]. В дошедших до нас источниках ничего подобного нет. Автор ссылается не на источник, а на монографию А. Регеля (к тому же неверно указав страницу) [Регель, 1896, ч. 1, 150], ошибочно поняв его слова о древности монастыря (почему там раньше всего и появились монастырские сады) как на указание, что одновременно с монастырем был разбит и сад. Эта ложная информация транслируется и в публикациях других авторов.

³³ «Зелие», «зелье» — это «травяное произрастание, употребляемое в пищу» [Срезневский, 1893, т. 1, стб. 969–970], «злак, трава, растение» [СлРЯ XI–XVII вв., 1978, вып. 5, 371–372].

³⁴ *Malus domestica* Borkh.

³⁵ *Malus sylvestris* (L.) Mill.

³⁶ *Malus sylvestris* var. *praecox* (Pall.) Ponom.

Последнее во многом и объясняет непонятную настойчивость воров в покушениях на сад инока Григория: ради плодов дикорастущей яблони, которые к тому же легко можно было добыть за пределами монастыря и не вторгаясь в чужие владения, так рисковать смысла не было.

Яблоня домашняя была привозной культурой. На территорию Восточной Европы она попала извне, поскольку яблоня лесная в одомашнивании культурных сортов практического значения не имела [Пономаренко В., Пономаренко К., 2012, 228; Помология, 2005, 53]. Одним из путей проникновения яблони домашней в регион было распространение ее из Греции по Днепру [Помология, 2005, 55; Пономаренко, 2009, 205; Пономаренко В., Пономаренко К., 2012, 228; Пономаренко В., Пономаренко К., 2013, 53–57; Димитриев, 2014, 16–19]. Монах Григорий Чудотворец, вероятнее всего, мог познакомиться с культурой яблони домашней благодаря тесным контактам, которые поддерживал Печерский монастырь с Афоном³⁷.

Если говорить о материальных подтверждениях сообщений Патерика о возможном культивировании яблони домашней (археологических, палеоботанических), то они крайне скудны. Потенциальное обнаружение следов небольшого сада-огорода монаха Григория представляется крайне маловероятным: они, конечно, исчезли в результате дальнейшей строительной-хозяйственной деятельности монастыря³⁸.

Ботанические и генетические исследования о распространении яблони домашней, на которые мы ссылались выше, не позволяют делать точных хронологических привязок к тем или иным территориям. Данные же, полученные археологическим путем, не содержат информации о культивировании яблони³⁹ в Среднем Поднепровье в это время, как и в течение всего древнерусского периода в целом⁴⁰. Тем не менее, в результате археологических исследований 1998–1999 гг. на территории Михайловского Златоверхого собора и на прилегающих к нему областях в центральной холмистой части Киева в слоях конца XI–XII вв. была обнаружена пыльца яблони (*Malus sp.*⁴¹), а также, по мнению исследователей, пыльца яблони домашней (*Malus domestica Borkh*) [Безузько и др., 2001, 390; Bezusko, et al., 2003, 108, 115, 119; Безузько и др., 2011, 300, 305, 312]⁴².

Такая картина — единичное обнаружение, предположительно, следов культивирования *Malus domestica Borkh* — подтверждает вышесказанное: во второй половине XI в. яблоня домашняя, вероятно, только начинала распространяться в Среднем Поднепровье и являлась для местных жителей редким и экзотическим видом плодового дерева.

Отметим также, что яблоки совершенно не упоминаются в известиях о рационе монахов. Вместе с тем эта сторона монашеской жизни домонгольского времени довольно подробно изучена [Гайденко и др., 2013, 68–79; Харин, 2015, 171–175; Гайденко, 2016; Васиховская, 2019, 116–117]. Ни устав Алексея Студита, ни Житие прп. Феодосия Печерского, ни Киево-Печерский патерик, ни другие источники не содержат *прямых* указаний, что плоды яблони домашней или яблони лесной, свежие или специально

³⁷ В садах византийских монастырей, в том числе и на Афоне, яблони выращивали, см. напр.: (Leben des Sabas, 1939, 88; Акты, 1873, 13, 14).

³⁸ При раскопках на территории Киево-Печерской лавры было обнаружено семечко, которое исследователи затрудняются идентифицировать — яблоня это или груша — из-за его не лучшей сохранности, но оно относится к слою предположительно XVII в. [Пашкевич, 2014, 136].

³⁹ Но не об употреблении дикорастущей яблони в пищу — это практиковалось довольно широко [Петраускас, 2006, 136–137, 138; Безузько и др., 2011, 288].

⁴⁰ Благодарю за любезные консультации Галину Александровну Пашкевич.

⁴¹ «sp.» (сокр. от лат. species) — специальное обозначение в биологии для не определенных таксонов в ранге вида. В данном случае оно означает, что растение определено с точностью до рода: род *Malus* (яблоня), а вид яблони не установлен.

⁴² Как пояснила в личной переписке Г. А. Пашкевич, по пыльце довольно затруднительно определить, продуцировала ли ее культурная яблоня (*Malus domestica*), или дикая (*Malus sylvestris*). А находок семян яблони культурной, которые позволяют получить более надежный результат, для этого времени пока нет.

приготовленные, присутствовали на монастырском столе. Хотя, можно думать, инок Григорий Чудотворец выращивал «плоды» и «зелие» для употребления в пищу. Вероятно, это объясняется тем, что на Руси плоды яблони лесной — основной вид яблони, произраставший в то время, — самостоятельно не употреблялись в пищу, почему и не привлекли специального внимания, а яблоня домашняя если и встречалась, то крайне редко. В Византии же разнообразие плодовых деревьев, по сравнению с более северным регионом, отодвинуло яблоню на второй план, почему о ней нет упоминания, например, в имевшем распространение на Руси уставе Алексея Студита⁴³.

Выводы

«Малый оградаец» монаха Григория Чудотворца — это небольшой земельный участок с огородом и садом в монастыре возле келии монаха. Владение «своим» земельным участком было нарушением Студийского устава, который был введен прп. Феодосием Печерским. Но соблюдение устава, как и традиции общежития в целом, стали ослабевать после его смерти. Огород и сад были явочным порядком заведены самим иноком Григорием, без какого-либо юридического оформления, и со временем стали восприниматься как личный участок монаха. Владение самостоятельно возделываемым участком было своеобразной неформальной привилегией, связанной с высоким положением инока в монастырской иерархии.

Земельным участком занимался и заведовал сам монах, он же единолично решал вопросы, связанные с посягательствами на него извне, от него зависела судьба попавшихся воров, и в этом смысле можно говорить, что это «его» огород и сад. Однако «малый оградаец» полностью не обособлялся из структуры монастырского хозяйства: там, вероятно, трудился не один инок Григорий и урожай шел на общий стол, а пойманных на участке воров ожидала работа в интересах всего монастыря.

Участок монаха Григория примечателен тем, он включал в себя сад. И это первое известное упоминание о монастырском саде в Древней Руси. До того выращивание плодовых деревьев не было характерно для монастырского хозяйства. Также там, вероятно, выращивалась яблоня домашняя, завезенная из Византии и редкое для Руси того времени растение (в отличие от дикорастущих видов), чьи плоды по тем временам были необычны и особенно привлекательны как внешне, так и с гастрономической точки зрения.

Источники и литература

Источники

1. Акты (1873) — Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев: Тип. Киевопечерск. Успенск. лавры, 1873. XXIV, 616 с.
2. Древнерусские княжеские уставы (1976) — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с.
3. Духовная грамота (1868) — Духовная грамота преподобного Иосифа Волоцкого // Великие Минеи Чети. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 499–615.
4. Житие Саввы Освященного (1901) — Житие Саввы Освященного // Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 10: Декабрь, дни 1–5. СПб.: Синодальная типография, 1901. Стб. 444–551.
5. Житие Феодосия Печерского (1997) — Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI — середина XII века. С. 352–434.

⁴³ Между тем в главах о трапезе и распределении пищи упомянуты сливы, смоквы (оливки, маслины), виноград, орехи (Типикон патриарха Алексия, 2001, 368–380).

6. Иосифа игумена Духовная Грамота (2001) — Иосифа игумена, иже на Волоце Ламском. Духовная Грамота Преподобнаго Игумена Иосифа // Древнерусские иноческие уставы. М.: Северный паломник, 2001. С. 57–157.
7. Краткая редакция Устава (2001) — Краткая редакция Устава прп. Иосифа Волоцкого // Древнерусские иноческие уставы. М.: Северный паломник, 2001. С. 187–215.
8. Монастырский устав (1959) — Монастырский устав // Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 296–319.
9. Патерик (1911) — Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1911. П, 275, [4] с.
10. Типикон патриарха Алексия (2001) — *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2001. 428 с.
11. Actes de l’Athos (1906) — Византийский временник. 1906. Приложение к XII тому. № 1. Actes de l’Athos. III. Actes d’Esphigménou, publiés par le R. P. Louis Petit et W. Regel. 156 с.
12. Leben des Sabas (1939) — Leben des Sabas // *Schwartz E.* Kyrillos von Skythopolis. Leipzig, 1939. S. 85–201.

Литература

13. Абрамович (1902) — *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб.: Отделение русского языка и словесности Имп. АН, 1902. [2], III, XXIX, 213 с.
14. Артамонов (2013) — *Артамонов А. Ю.* «Гипотеза, выстроенная на гипотезах»: по поводу нового исследования А. Поппэ // Вестник церковной истории. 2013. № 1–2. С. 361–387.
15. Бахрушин (1937) — *Бахрушин С. В.* К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 40–77.
16. Башлыкова (2019) — *Башлыкова М. Е.* Топика чудес в Киево-печерском патерике (на материале церковнославянских и польскоязычных редакций) // Литература Древней Руси. Материалы X Всероссийской конференции «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени». М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 138–159.
17. Безусько и др. (2001) — *Безусько Т. В., Томашевський Ю. П., Івакін Г. Ю.* Нові дані про флору та рослинність стародавнього Києва (за матеріалами палеоботанічних досліджень) // Наукові записки НаУКМА. 2001. Т. 19. Ч. 2. С. 389–391.
18. Безусько и др. (2011) — *Безусько Л. Г., Мосякін С. Л., Безусько А. Г.* Закономірності та тенденції розвитку рослинного покриву України у пізньому плейстоцені та голоцені. К.: Альтерпрес, 2011. 448 с.
19. Бълхова (2000) — *Бълхова М. И.* О монастырском уставе в Древней Руси: Середина XI — середина XIV в. // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 47–54.
20. Бълхова (2002) — *Бълхова М. И.* Монастыри на Руси XI — середины XIV века // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. 346 с. С. 25–56.
21. Васиховская (2019) — *Васиховская Н. С.* Киево-Печерский монастырь во второй половине XI — первой половине XIII века. 2019. 196 с.
22. Гайденко и др. (2013) — *Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Университетская книга, 2013. 150 с.
23. Гайденко (2015) — *Гайденко П. И.* Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI — первой половины XIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 4(12). С. 48–78.
24. Гайденко (2016) — *Гайденко П. И.* Монастырские пиры, трапезы (несколько набросков к жизни древнерусского монашества XI–XIII вв.) // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 371–392.
25. Гайденко (2017а) — *Гайденко П. И.* К вопросу об источниках содержания древнерусского монашества кон. X — первой трети XIII вв. // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 7. С. 74–92.

26. Гайденко (2017b) — *Гайденко П. И.* Можно ли спастись в роскоши? (о быте и пределах аскетических опытов древнерусского монаха XI–XIII вв.) // Палеоросия. Древняя Русь во времена, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 8. С. 7–17.
27. Голубинский (1904) — *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М.: Университетская типография, 1904. Т. 1. 2-я пол. 2, 926, XVII с.
28. Греков (1953) — *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
29. Димитриев (2014) — *Димитриев А. В.* Материалы к истории садоводства в Среднем Поволжье // Научные труды Чебоксарского филиала Главного ботанического сада РАН. 2014. Вып. 7. С. 16–19.
30. Зимин, Лурье (1959) — *Зимин А. А., Лурье Я. С.* Археографический обзор // Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 98–139.
31. Каждан (1971) — *Каждан А. П.* Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа // Византийский временник. М., 1971. Т. 31. С. 48–70.
32. Кириллин (2009) — *Кириллин В. М.* «Отвещание любозагорным» преподобного Иосифа Волоцкого: размышление в лицах об иноческом подвиге как авторская самохарактеристика // Русская патрология. Материалы академической конференции. Сергиев Посад: Московская Православная Духовная Академия, 2009. С. 180–207.
33. Ключевский (1987) — *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430, [1] с.
34. Лангенфельд (1991) — *Лангенфельд В. Т.* Яблоня. Морфологическая эволюция, филогения, география, систематика. Рига, 1991: Зинатне. 224 с.
35. Лурье (1988) — *Лурье Я. С.* Иосиф Волоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. 516 с. С. 434–439.
36. Ольшевская, Травников (1999) — *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Комментарии // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 386–456.
37. Пашкевич (1991) — *Пашкевич Г. А.* Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Древняя Русь. Каталог. К.: Б. и., 1991. 45 с.
38. Пашкевич (2010) — *Пашкевич Г. О.* Палеоэтноботанічні дослідження давньоруського часу та середньовіччя на території України // Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. К.: ІА НАН України, 2010. Вып. 1. С. 477–483.
39. Пашкевич (2014) — *Пашкевич Г. О.* Палеоботанічні знахідки на території монастирів України // Міста Давньої Русі. К.: «Стародавній світ», 2014. С. 132–139.
40. Петраускас (2006) — *Петраускас А. В.* Ремесла та промисли сільського населення Середнього Подніпров'я в IX–XIII ст. К.: КНТ, 2006. 200 с.
41. Помология (2005) — *Помология. Т. I: Яблоня* / Под ред. Е. Н. Седова. Орел: Изд-во ВНИИСПК, 2005. 576 с.
42. Пономаренко (1992) — *Пономаренко В. В.* Дикорастущие виды рода *Malus Mill* Европы, Кавказа, Сибири и Средней Азии (биология, систематика, исходный материал для селекции). Автореф. дис. ... докт. биол. наук. СПб., 1992. 38 с.
43. Пономаренко (2009) — *Пономаренко В. В.* Современные представления о первичном центре доместикации и вторичных центрах генетического разнообразия яблони домашней — *Malus domestica Borkh* // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. СПб., 2009. Т. 166. С. 202–208.
44. Пономаренко В., Пономаренко К. (2012) — *Пономаренко В. В., Пономаренко К. В.* Идеи Н. И. Вавилова в современных исследованиях рода *Malus Mill.* — яблоня // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. СПб., 2012. Т. 169. С. 225–228;
45. Пономаренко В., Пономаренко К. (2013) — *Пономаренко В. В., Пономаренко К. В.* Генотипы сортов яблони народной селекции — национальное достояние России // Научные труды ГНУ СКЗНИИСиВ. 2013. Т. 1. С. 53–57.
46. Поппэ (2011) — *Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. К.: Институт історії України НАН України, 2011. 150 с.
47. Приселков (2003) — *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2003. 245 с.

48. Регель 1896 — *Регель А.* Изящное садоводство и художественные сады: Историко-дидактический очерк. СПб.: Издание Г. Б. Винклер, 1896. XI, 229 с.
49. Пузанов (2007) — *Пузанов В. В.* Социокультурные конструкты и образы повседневности в «Житии Феодосия» // Вестник Удмуртского университета. 3. История. 2007. № 7. С. 3–28.
50. Романенко (2002) — *Романенко Е.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 327, [2] с.
51. Романов (2002) — *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.: Территория, 2002. 256 с.
52. Савин и др. (2017) — *Савин Е. З., Чибилёв А. А., Березина Т. В., Кузьмин Н. И., Логинцев Е. К.* Яблоня лесная в лесостепных и степных ландшафтах Заволжско-Уральского региона // Известия Оренбургского Государственного аграрного университета. 2017. № 2 (64). С. 63–65.
53. СлДрЯ XI–XIV вв. (1991) — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. 559 с.
54. СлРЯ XI–XVII вв. (1978) — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 392 с.
55. СлРЯ XI–XVII вв. (1979) — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. 360 с.
56. Смолич (1997) — *Смолич И. К.* Русское монашество 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. М.: Православная энциклопедия, 1997. 606, 1 с.
57. Срезневский (1893) — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. 1. IX с., 1420 стб, 49 с.
58. Старославянский словарь (1994) — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
59. Творогов (2008) — *Творогов О. В.* Переводные жития святых в древнерусской книжности XI–XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. 2008. Т. 59. С. 115–132.
60. Федотов (2000) — *Федотов Г. П.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси М.: Мартис, 2000. 268 с.
61. Фроянов (2001) — *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории // *Фроянов И. Я.* Начала Русской истории. Избранное. М.: Издат. дом «Парад», 2001. С. 331–482.
62. Харин (2015) — *Харин Е. С.* Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. 245 с.
63. Чебаненко (2017) — *Чебаненко С. Б.* Кровная месть или смертная казнь: об одном известии о Григории Чудотворце (последняя треть 11 века) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 8. С. 81–97.
64. Черный (2010) — *Черный В. Д.* Русские средневековые сады. Опыт классификации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 174 с.
65. Шапов (1989) — *Шапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси, X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.
66. Шапов (2002) — *Шапов Я. Н.* Монашество на Руси в XI–XIII веках // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 13–24.
67. Bezusko et al. (2003) — *Bezusko L. G., Bezusko T. V., Mosyakin S. L.* A Reconstruction of the Flora and Vegetation in the Central Area of Early Medieval Kiev, Ukraine, Based on the Results of Palynological Investigations // Urban Habitats. 2003. Vol. 1. No. 1. P. 105–119.